

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АННЫ АХМАТОВОЙ В ТАШКЕНТЕ

Мухаммад Тулкинбой ўғли Йўлдошев

Наманганский государственный институт
иностранных языков имени Исхокхона Ибрата.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.10656926>

Аннотация. Осенью 1941 года из блокадного Ленинграда Анна Ахматова была эвакуирована в Ташкент. Восприятие Востока поэтессой отразилось в «Ташкентском цикле» стихотворений и воспоминаний, проникнутых теплом и чувством благодарности узбекскому народу. В данной статье говорится о том, как в тяжёлые годы войны А.Ахматова нашла поддержку, доброту и внимание простых людей в Узбекистане.

Ключевые слова: Блокада, эвакуация, эшелоны, Восток, арычная вода, лепёшка, интернационал, сироты, щедрость, доброта, благословение. В ноябре 1941 года, поэтесса Анна Ахматова была перевезена из осажденного Ленинграда в Узбекистан.

LIFE AND WORK OF ANNA AKHMATOVA IN TASHKENT

Abstract. In the autumn of 1941, Anna Akhmatova was evacuated from besieged Leningrad to Tashkent. The poet's perception of the East was reflected in the "Tashkent cycle" of poems and memoirs imbued with warmth and a sense of gratitude to the Uzbek people. This article talks about how during the difficult years of the war A.Akhmatova found support, kindness and attention of ordinary people in Uzbekistan

Keywords: Blockade, evacuation, echelons, East, ditch water, flatbread, international, orphans, generosity, kindness, blessing. In November 1941, the poet Anna Akhmatova was transported from besieged Leningrad to Uzbekistan

Анна Андреевна Ахматова в годы второй войны, с 9 ноября 1941 года до 13 мая 1944 года, вместе со многими другими эвакуированными из европейской части СССР жила в Узбекистане, в Ташкенте. Сведения об этом периоде жизни и творчества поэтессы в какой-то мере безусловно проливает свет на проблему отношения Ахматовой к художественному переводу.

А.Ахматову в Ташкенте поначалу, как и многих из эвакуированных писателей, поселили в Управлении по делам искусств. Здесь Анна Андреевна занимала комнату, о которой один из авторов воспоминаний пишет: «Помню обстановку: железная кровать, печка-буржуйка, табурет на полке, где выдавались служащим деньги, стоит кружка; с потолка свисает голая лампочка и – очень холодно. Анна Андреевна всё время куталась в шубку»[4,75].

Г.Л. Козловская описывала в своих воспоминаниях эту комнатку так: «В ней едва помещалась железная кровать, покрытая грубым солдатским одеялом, единственный стул... Посредине маленькая нетопленная печка-«буржуйка», на которой стоял помятый железный чайник и одинокая кружка на выступе окошка кассы... Здесь, в прежних приемных и отделах, разместились эвакуированные писатели, и А.Ахматовой досталась «касса» [3,57]. Это обстоятельство вызывает у нас добрый смех. Ей, самой безденежной из всех людей, пришлось жить в помещении, где до войны выдавали часто немалые суммы преуспевающим писателям [2,16].

К сожалению, это здание не сохранилось в Ташкенте. Там теперь стоит новый длинный четырехэтажный дом, номер его 54. И многие жители этого дома даже не подозревают, что в доме, который стоял на этом месте прежде, во время войны жила Ахматова. Поэтому хочется верить, что на стене дома №54 когда-нибудь появится табличка, которая будет напоминать людям, что, в стоявшем раньше на этом месте доме, жила замечательная русская поэтесса Анна Андреевна Ахматова.

Нет уже и дома на улице Жуковского, куда Ахматова переехала потом. Там жили многие писатели: И. Уткин, Н. Погодин, В. Луговской и другие. Анна Андреевна поселилась в комнатке на балахане, на втором этаже, где до нее жила вдова М.Булгакова. Елена Сергеевна уехала, и комнату отдали Ахматовой. У поэтессы есть два стихотворения, связанные с этой комнатой. Одно из них: «В этой комнате колдунья до меня жила одна...» тогда еще никто не знал о существовании «Мастера и Маргариты», а Е.С.Булгакова, оказывается, давала читать роман Ахматовой[1,86].

В примечаниях к сборнику стихов Ахматовой (Москва, «Советский писатель» 1976г.) пишут, что на улице Жуковского было общежитие эвакуированных писателей. С.Сомова же в статье «Мне дали имя Анна» утверждает, что там было не общежитие, а отдельные комнаты. Она вспоминает: «Возле дома всегда была непролазная грязь, слышный даже при закрытых окнах стрекот печатных машинок. Во дворе, справа, лестница на второй этаж, наружная. Вокруг всего дома открытый коридор, и в нем двери».

Театральный критик Беньяш Р.М. навестила поэтессу незадолго до нового, 1942 года. Она вспоминает: «Комната была маленькая, почти квадратная, с голым, плоским окном. Ахматова прожила в ней уже около 3-х месяцев, но жилой она не стала. Узкая железная кровать с матрасной сеткой напоминала койку рабочего общежития. Грубо обструганный кухонный стол с двумя ящиками стоял невпритык. Прямой и белёсый свет обнажал пустоту сыроватых стен, казарменную серость тощего одеяла, обшарпанность двух табуретов. Все здесь казалось случайным, казенным, неустроенным. Словно на пересыльном пункте. И только сама хозяйка не замечала необжитости.»

Жесткий и изнуряющий быт тех дней Ахматова испытала сполна. Но все трудности и неудобства как будто «скользили по ней». Ей не мешал и шум – постоянный, несмолкаемый[5,84].

Р.М. Беньяш вспоминала, что под лестницей, которая вела со двора прямо в комнату, голосили дети. Рядом, в узеньком мрачном коридоре, выясняли отношения жены эвакуированных. Из всех комнат тянулись и скапливались горьковатые запахи скудной тыловой пищи. Все это словно и не касалось Ахматовой.

«Однако, - замечает Зоя Туманова в своих воспоминаниях «Над Азией весенние туманы», - странно, эта абсолютная внутренняя отгороженность, душевная отдаленность от мелкого суетливого быта не изолировали Ахматову от обычной, в те дни достаточно тяжелой жизни. Она не пряталась от будничного, не пренебрегала житейским».

Радио в её комнате не выключалось. Когда она слушала очередную сводку, ее лицо казалось живым «воплощением трагедии», - замечает ещё Туманова. Вероятно, эта прорванная в двух местах стандартная тарелка трансляции превращалась рядом с поэтессой в символ траура. Но и в самые мрачные дни она поражала своей глубокой верой. Как будто

ей было известно то, чего не знал никто... «Она не просто верила в конечную победу, - пишет З.Туманова, - она знала о том, что победа будет и ждала ее, когда у иных уже истощилось терпение».[4,85]

В ташкентское военное захолустье были эвакуированы писатели со всей страны. Из Союза писателей, как драгоценность, они несли домой в банках затируху, а в кабинете орг. Секретаря П.Д.Германа, как вспоминает С.Сомова, лежал список «ведущих писателей – на тыкву». В столовой некоторые старались первыми схватить кажущийся на миллиметр побольше кусочек черного хлеба, может именно тогда обнажилось высокое и низкое в человеке. Но и здесь Ахматова несла свой мир правды и поэзии.

REFERENCES

1. Сомова С. Мне дали имя – Анна .// Москва, 2003, №10, с.188.
2. Туманова З. Над Азией весенние туманы. //Звезда Востока, 2005, №6. 157.
3. Узбекистон адабиёти ва санъати, 2003, 1 ноябрь.
4. Хамидова Т.Х. Русско-узбекские литературные связи. –Ташкент: ФАН, 2005, 81.
5. Sobirov, A. (2023). EPISTOLARY GENRE IN MODERN TEXTUAL CULTURE. *Modern Science and Research*, 2(5), 980–982. Retrieved